

«ТРЕТЬЯ РОССИЯ»

(«Орган осуществления новаго синтеза») № 8

«Третья Россия» является органом «течения», созданного и развиваемого, в сущности, одним человеком. Статьи нѣскольких других участников занимают такое незначительное мѣсто, что ничего не прибавляют к учению самого основателя журнала — П. Боранецкаго. Он очутился в Парижѣ лѣтъ шесть тому назад, бѣжав из Россіи. В это время уже начиналась «вторая» эмиграція. Но то были большей частью невозвращенцы, люди правящей коммунистической касты, вышедшей из дореволюціоннаго подполья. Боранецкій же был первым, появившимся в эмиграціи человеком новаго социальнаго міра, поднятаго на поверхность землетрясеніем революціи. Первые его выступления поразили многих. Это был не докладчик, излагающій свои размышленія по тому или другому поводу, а человек одержимый идеей, ставшей всей его жизнью, его «кровью и снами». В самой этой идее — «абсолютный идеал преображенія міра и, в частности, побѣды над смертью», и во всем обликѣ Боранецкаго чудилось что-то от Кириллова и Шатова, даже его имя, Петр Степанович, напоминало роман Достоевскаго. Его слушали с тѣм чувством, о котором писал в «Числах» Георгій Иванов: «Он стоит сейчас на эстрадѣ эмигрантскаго диспута, но десятки, сотни тысяч, миллионы, может-быть, таких, как он, стоят на великой русской землѣ, и пусть они ни о каком титанизмѣ и не помышляют — головы их, их души сформированы по тому же самому образцу».

По цѣлому ряду доходящих до нас свидѣтельств мы можем догадываться, как сформированы эти головы и души. Пользуюсь характеристикой, данной таким внимательным наблюдателем русской жизни, как Г. Федотов: «Народ выдѣляет из себя молодую, огромную по численности интеллигенцію, которая, не щадя себя, не боясь никаких жертв, врывается в «гранит науки», идет на заводы, в поля — строить новую Россію, счастливую, богатую, великую. Героическая мечта этого поколѣнія — завоевать воздух, пустыни, полярные льды».

В сущности, все ученіе «Третьей Россіи» вырастает как попытка осознанія и идейнаго выраженія духа этого новаго русскаго интеллигенія «из простых», проникнутаго ломоносовской волей стать «разумным и великим» и вѣрой в свои силы, в науку, в строительство культуры, в творческое и героическое человеческое дѣйствіе. Будучи сам выходцем из этих «объинтеллиженченных» масс, поднимающихся на мѣсто поглощенных катаклизмом старых правящих и культурных слоев, Боранецкій опредѣляет этот дух как новую «мораль»

господства, по господства не над себѣ подобными, а над окружающим миром — Природой и Исторіей, над своим положеніем и своей судьбой». «Она навѣяна, пишет он, тѣм строительным пафосом, той мистикой гигантов, которые пронизывают собой могучую стихію русской революціи, несмотря даже на мертвящее и всеизсушающее дѣйствіе господствующаго — материалистическаго міросозерцанія». Представленія, к которым Боранецкій приходит в результатѣ осознанія этого «пробивающагося сквозь официально-материалистическую кору новаго ощущенія міра и высшаго достоинства и призванія человѣка», не могут вмѣститься в «мѣру» культуры и человѣка, установленную правящей кастой с ея «марксистским материалистическим міросозерцаніем и аморально-нигилистическою концепціей изменности и ничтожества человѣка». Невозможность разбивать свои новыя идеи в Россіи заставляет его бѣжать, чтобы здѣсь, за границей, разработать их в цѣлое ученіе, называемое им — «Титаническое міросозерцаніе — Прометеизм».

В основѣ этого міросозерцанія лежит зачарованность сознанія видѣніем безграничных, превышающих все то, о чем нѣкогда мечтали утопіи и грезили мифы», возможностей, открываемых все уско-ряющимся научным и техническим прогрессом. Тѣм острѣе Боранецкій чувствует «трагически-парадоксальность» противорѣчіе между эти-ми возможностями и «предѣльным по своей необезпеченности, жестокости и трудности» существованіем современнаго человѣка, под властью звѣринных инстинктов и борьбы за существованіе, пользующагося дивным могуществом машинизма не для устройенія «рая на землѣ», а для взаимнаго порабощенія и истребленія. В моральной и организационной неспособности человѣчества справиться со своим «физическим» могуществом, переросшим его «рабье и скотское сознаніе», Боранецкій видит главную причину тѣх грозных социальних, политических и международных конфликтов, от которых шатается теперь мір.

Воодушевленный тѣм подъемом жизненной и творческой воли, который, насколько мы можем отсюда судить, присущ духу всей становящейся новой русской интеллигенціи, Боранецкій с негодованіем отказывается от предлагаемаго нѣкоторыми современными мыслителями и общественными дѣятелями выхода из этих затрудненій в ограниченіи техническаго прогресса. Опредѣляя подобное предположеніе, как «смѣсь цинизма, растерянности и сознанія своей дальнѣйшей исторической несостоятельности», он пишет: «Эти невѣроятныя силы и возможности, которыя нам открываются теперь, или подымут нас к вершинам бытія в величайшем Утвержденіи, или низвергнут нас в бездну его в ужаснѣйшем разрушеніи. Третьей возможности нам не дано. Стоя у порога их таинственнаго и безграничнаго резервуара, мы уже не можем оставаться в том состояніи серединной посредственности, в котором мы пребывали до сих пор».

Таким образом у человечества, если оно хочет продолжать жить, нѣтъ другого выхода, как найти в себѣ достаточную моральную энергію, чтобы стать достойным этих открытых перед ним возможностей. «Под смертным страхом» чудовищной катастрофы, оно должно произвести перестройку самой структуры всѣх хозяйственных, социальных и международных отношений. В предѣлѣ своем эта перестройка представляется Боранецкому как создание Всемирных Соединенных Штатов. «В то же время — говорит он, организациія міра не может мыслиться только со стороны его внѣшняго, социального существованія, со стороны тѣла, но должна пониматься также и со стороны его внутреннего духовнаго бытія, со стороны его «души». Тѣм болѣе, что именно здѣсь, в сферѣ духовнаго, а не матерьяльнаго — примат жизни и ея первооснова». Нужна, поэтому, «новая высшая міроорганизующая духовность».

Осознаніе этой необходимости является, мнѣ кажется, наиболѣе цѣнной частью работы Боранецкаго, придавая ей характер чего-то, относящегося к дѣйствительной сущности дѣла. Вот этого «чего-то» так не хватает книгам о современном кризисѣ многих мыслителей, которые не отдают себѣ достаточно яснаго отчета в глубинѣ переворота, вносящаго в условія людскаго существованія все быстрѣе идущим овладѣніем силами природы, и в неустрашимости поставленной этим переворотом дилеммы: или человечество должно стать дѣйствительно человечеством, или оно идет навстрѣчу всемірной тоталитарной войнѣ.

Для нас, конечно, особое значеніе имѣет то обстоятельство, что это видѣніе смысла современной эпохи явилось Боранецкому еще до бѣгства за границу, и что в главном оно опредѣляется тенденціей, повидимому, общей новым поколѣніям Россіи. К сожалѣнію, построения, при помощи которых он пытается осознать и выразить дух этой тенденции, все болѣе приписывают лично мнѣ кажущейся странным характер проповѣди какой-то новой «высшей», чѣм «отжившее» христіанство, религіи.

Этот отказ от христіанства является чертой, наиболѣе рѣзко отличающей «Третью Россію» от других пореволюціонных теченій, с которыми она во многом сходится в критикѣ, как «стараго міра», так и коммунистическаго и фашистскаго опытов его «преображенія». Общее для этих теченій стремленіе «строить на христіанствѣ», формулированное когда то Ю. Ширинским-Шихматовым как «сознаніе долга универсальнаго осуществленія христіанской правды в жизни личной, общественной, государственной и всечеловѣческой», отвергается Боранецким как несостоятельное. Так, в частности, по поводу ученія Федорова, он пишет: «Это такая же в извѣстном смыслѣ попытка «оцерковленія» или «христіанизации» техники, как и обычныя стремленія к «оцерковленію» и «христіанизации» жизни, культуры, обществности и даже государства. И как из этих общих стремленій к

«оцерковленію» и «христiанизаціи» жизни ничего кромѣ дѣяческаго извращенія христiанства и теологическаго оскверненія жизни не выходило, так, тѣм болѣе, из данной частной попытки православнаго «оцерковленія» техники — явленія наиболѣе чуждаго христiанству — ничего кромѣ противосестественнаго извращенія и церкви и техники получитья и не можетъ.

В своей критикѣ этихъ попытокъ Боранецкiй во многом совпадаетъ с отношеніемъ к нимъ тѣхъ христiан, которые такъ же, как и онъ, считаютъ, что христiанство несомнѣстимо со строительствомъ во времени и исторiи. Но если эти христiане отказываются отъ строительства міра, то Боранецкiй отказывается отъ христiанства. Такъ, по его словамъ, — «с христiанствомъ можно умирать, но с христiанствомъ нельзя жить, а тѣм болѣе нельзя творить Исторiю, преображать міръ... Его настоящая жизнь, это «загробная» жизнь, эта же служитъ лишь приуготовленіемъ к ней. Христiанство, такимъ образомъ, в своемъ наиболѣе рѣшающемъ моментѣ, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ Буддизма».

Этихъ цитатъ, я думаю, достаточно, чтобы показать, что в главномъ отношеніи Боранецкаго к христiанству основано на томъ, распространенномъ и среди самихъ христiан, «шпеннгауеровскомъ» пониманіи христiанства, которое дѣйствительно, в наиболѣе рѣшающемъ моментѣ, сводитъ его к буддизму и индусскому сознанію безсилія, суетности и напрасности человѣческаго дѣйствія, и отказу отъ жизненной воли. Несомнѣстимость этого сознанія, принимаемаго Боранецкимъ за христiанское, с тѣмъ героическимъ и творческимъ духомъ, которымъ воодушевлено все его міросозерцаніе, и заставляетъ его отказаться отъ христiанства.

Я думаю, что в данномъ случаѣ передъ нами одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ того, все продолжающагося трагическаго недоразумѣнія, которое началось еще во времена Возрожденія, когда, по словамъ Бергсона, двѣ стороны звѣзды христiанскаго идеала стали восприниматься людьми какъ двѣ противоположныя, исключаютія другъ друга тенденціи.

Однимъ изъ страшныхъ послѣдствій этого недоразумѣнія и явился кризисъ, приведшій теперь цивилизованные народы на край катастрофы. Все неуправляемѣе втягиваются они в чудовищную тоталитарную войну и не могутъ выйти на дорогу освобожденія, открываемую передъ ними, можетъ-быть, уже безграничною властью человѣческаго генія надъ энергіями матеріи. Причина, мѣшающая имъ выйти на эту дорогу, лежитъ уже не в матеріальныхъ препятствіяхъ, а в самой звѣриной и насѣкомообразной моральной структурѣ человѣка и общества. Боранецкiй правильно, мнѣ кажется, видитъ выходъ не в пораженческой приостановкѣ техническаго прогресса, все равно невозможной, а в новомъ духовномъ подъемѣ. Но говоря о необходимости для этого «мобилизаціи силъ любви и жертвенности, вмѣсто силъ ненависти и эгоизма», онъ в то же время отворачивается отъ христiанства, единственнаго источника силъ любви, в продолженіе вѣковъ поившаго корни всего моральнаго творчества человѣчества. Этотъ отказъ и создаетъ для

него необходимость, ни больше, ни меньше, как построить доктрину новой, «высшей» чѣм христианство, религии. Вопросы социальные и актуально-политические все болѣе отѣсняются в его работѣ на второе мѣсто созданием метафизики и «миров» этой новой религии. Я не могу сейчас касаться философской цѣнности построений Боранецкаго. С «общественной» точки зрѣнія, важно, что в основѣ его учения лежит не христианская идея личности, а представленіе очень близкое к увлекавшему одно время Толстого индусскому учению о всеединствѣ людей, раздробленных во времени и пространствѣ на индивидуумов, но слитых во «Всем», в скрытой «под покрывалом Майи» вѣвременной и вѣпространственной сущности жизни. Только в противоположность буддизму, призывающему покинуть «актуальный план существованія» и уйти в созерцаніе Абсолюта, Боранецкій видит смысл жизни в реализаціи «потенціального онтологическаго плана бытія» в актуальном мірѣ, в Исторіи. При неясности ученія о личности, эта идея актуализаціи онтологическаго «единства всего во всем», положенная им в основаніе его замысла организаціи міра, кажется мнѣ способной привести к той же, правда расширенной до «человѣчества», философіи «мы», на которой стоит фашизм и націонал-соціализм. Правда, доктрина Боранецкаго далеко еще не закончена. Но там, гдѣ с самаго начала во главу угла не поставлена ясно и опредѣленно идея личности, гдѣ всѣ социальные и политические вопросы не ставятся в отношеніи к ней, мы имѣем право опасаться и подозрѣвать.

В. Варшавскій.

«ДНЕВНИК БЕЗРАБОТНАГО ИНТЕЛЛИГЕНТА»

Новая книга Дени де Ружмона¹⁾ не принадлежит к распространенному теперь литературному роду «интимнаго монолога с упраздненіем конкретных социальных или духовных условий дѣйствительнаго существованія каждаго человѣка». Главное ея содержаніе составляют записи впечатлѣній автора, продѣлавшаго опыт переселенія из Парижа в провинцію, и «діалогов» с людьми из народа, встрѣченными в этом путешествіи, — вопросов и отвѣтов, приводящих автора к разсужденіям «обо всем»: о кризисѣ современной культуры и социального строя, о «предательствѣ клерков» и упадочности литературы, о

¹⁾ Denis de Rougemont, Journal d'un intellectuel en chômage.